

Д.Л. Прокопенко (Санкт-Петербург)

ПОЛЕВАЯ МЕТОДИКА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ Н.Е. БРАНДЕНБУРГА

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.Е. Бранденбурга как археолога написано уже немало. Это и специальные статьи, и упоминания в больших историографических работах. Во всех этих работах повторяется из раза в раз один и тот же тезис о том, что Н.Е. Бранденбург был выдающимся исследователем курганных древностей. Некоторые историографы говорят о большом вкладе, который внес Н.Е. Бранденбург в археологию. Таким образом, в отечественной историографии сложилась устойчивая традиция, по которой работы Н.Е. Бранденбурга признаются если не надолго опередившими свое время, то уж точно находящимися гораздо выше в методологическом отношении, чем работы и исследования его современников и даже некоторых последователей.

Однако ни одной работы, в которой предметно разбиралось бы, в чем собственно состоит методологическая основа работ Н.Е. Бранденбурга и можно ли говорить о каких-то новациях, привнесенных им в методику исследования, автору не известно. Не считать же подобным разбором кочующее из статьи в статью заявление о том, что Н.Е. Бранденбург копал курганы полностью, целиком, «на снос» и в том была его главная, если не единственная заслуга как археолога.

Целью данной работы, конечно, не является рассмотрение всего археологического наследия Н.Е. Бранденбурга. В статье предпринята попытка как можно более подробно рассмотреть полевою методику, использовавшуюся Н.Е. Бранденбургом в археологических исследованиях, и сопоставить ее с той методикой, которую можно назвать «официальной» для того времени.

В качестве источника, который содержит такую «официальную» методику, используются инструкции и рекомендации по производству археологических исследований Д.Я. Самоквасова (1874 и 1878 гг. издания) и А.А. Спицына (1895 и 1898 гг. издания). Эти инструкции написаны наиболее авторитетными исследователями того времени и отражают состояние полевой археологической методики периода. Так, как рекомендовали копать А.А. Спицын и Д.Я. Самоквасов, копать считалось «правильным», «научным», «методичным».

Методика Н.Е. Бранденбурга рассматривалась на материалах двух наиболее показательных в отношении методики примеров его исследований. В 1886 г. Н.Е. Бранденбургом был изучен курган возле селения Михаил-Архангел, в 1901 г. произведена разведочная раскопка, а в 1902 г. исследование кургана неподалеку от селения Ильинцы. Если первый описываемый эпизод можно отнести к раннему этапу исследований Бранденбурга, то второй – это одна из последних экспедиций Николая Ефимовича. Кроме того, при описании работ на этих памятниках Н.Е. Бранденбург наиболее целостно зафиксировал собственно методику, которую использовал. Это имеет определяющее значение для нашего исследования.

І. Инструкции Д.Я. Самоквасова

1. Начнем обзор с наиболее раннего сочинения, с «Инструкции для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов», опубликованной в 1874 г.¹

В этом документе уже нашли отражение такие важные процедуры полевого исследования, как привязка памятника на местности; предлагается фиксировать не только высоту и величину окружности насыпи кургана, но также ее форму, особое внимание уделяется наличию или отсутствию «площадок или углублений»² на вершине кургана; упомянуто о необходимости фиксации наличия или отсутствия каменных обкладок и кромехов по окружности насыпи и местоположению относительно других объектов (городища, замковища, селища).

Что же касается непосредственно методики исследования кургана, то так называемый «колодец» рассматривается как основной прием для раскопки таких объектов. Вершина кургана, примерно на треть его высоты, снимается послойно, и с образованной

площадки до уровня могильной ямы бьется колодец, по ширине равный размерам собственно площадки.

По характеру грунта насыпи и сравнению его с грунтом в пробной яме археологу предлагается определять близость могильной ямы и, следовательно, костяка. При помощи щупа местоположение последнего должно быть установлено точно. При обнаружении костяка Самоквасов предлагает оставить 2 аршина 10 вершков земли от черепа в сторону костяка нетронутой, так же «отбить» со всех сторон остова примерно четверть земли и опускаться на четверть ниже местоположения костяка. Разборку же самого погребения должен проводить лично руководитель работ при помощи ножа, кисточки и совка. Завершать работу после обнаружения и расчистки погребения не следует, но должно дойти до подошвы курганной насыпи или даже углубиться в материк, не останавливая работы после нахождения тех или иных интересных ему объектов³.

Послойно, «на снос», следует копать исключительно несколько курганов из группы, до тех пор, пока исследователь не выяснил для себя суть погребального обряда в данном могильнике, кроме того, подобной раскопке подвергаются курганы с установленным трупосожжением и отдельно стоящие насыпи⁴.

Сама методика производства работ говорит нам о цели, которая стояла перед исследователями, а именно – получение вещевого материала. Археолог должен во что бы то ни стало установить положение погребальной ямы (сооружения), ее конструкцию, тщательно зафиксировать положение вещей, которые будут обнаружены при костяке, относительно друг друга и относительно остова, изъять остеологический материал из земли в правильном порядке.

Курган с трупосожжением предписывается копать «на снос» вовсе не с целью изучения особенностей насыпи, но, думается, по причине того, что, копая его колодцем, велика вероятность упустить погребальную урну и место кострища, которые далеко не всегда располагаются четко под вершиной кургана.

Стоит также отметить, что уже тогда археологи понимали важность предельно детальной фиксации хода и результатов своих работ. Декларируется: «Каждый курган, при раскопке которого дневник не был составлен, считается потерянным для науки»⁵.

2. В 1878 г. Д.Я. Самоквасовым были составлены две новые инструкции. Или точнее – внесены изменения в уже опубликованную. Изменения вышли двумя разными изданиями. Первое

называлось «Условия научного исследования курганов и городищ»⁶ и вышло в Варшаве. Второе, содержащее довольно интересные дополнения относительно работы с остеологическим материалом, составленные антропологом А.П. Богдановым, вышло в Москве под названием «Инструкция для научного исследования курганов Д.Я. Самоквасова и дополнения к ней А.Л. Богданова»⁷.

Существенным отличием этих двух инструкций от рассмотренной выше является то, что в них больше внимания уделяется привлечению этнографических данных как на начальном этапе полевого исследования, так и впоследствии, при интерпретации комплекса.

Сам же раскопный процесс также претерпел некоторые изменения. Автор говорит, что отдельно стоящие курганы допустимо копать как колодцем, так и траншеей, можно делать это и послойно, «на снос». В то время как в более ранней работе того же автора говорилось, что такие памятники необходимо разрабатывать исключительно полностью, снося курган целиком. Можно было бы сделать вывод о шаге назад в развитии полевой методики, однако это не так. Был увеличен размер колодца, который шел до основания насыпи. Теперь снималась не треть высоты и с образовавшейся площадки шли далее вниз, но половина насыпи, а это значит, что исследованию подвергался больший объем насыпи.

Отчасти это было связано с осознанием возможности содержания нескольких погребений в одном кургане⁸. Археологи опасались упустить материал. Стоит оговориться, что «половинчатая» методика использовалась только для некоторых курганов, «пробных насыпей», остальные предлагалось копать по-старому, «на треть». Крупные курганы, в которых археолог ожидает обнаружить погребение по обряду трупосожжения, предлагается копать послойно до уровня кострища. После его обнаружения – бить колодец до материка.

Следует отметить особое внимание, которое автором уделено качественному проведению зачистки слоя. «По снятии земли до подошвы насыпи, по достижении грунта, узнать который легко по сличению с верхними слоями почвы местности, обнаруженными вышеуказанной пробной ямой, материк должен быть очищен (выскоблен) железными лопатами или заступами. Тогда, если в исследуемом кургане имеется могила ниже насыпи, в грунте, обнаружится, под центром кургана или несколько сбоку, пятно в размере

могилы, всегда отличающееся цветом от грунтовой, нарушенной земли» – в рассмотренной ранее инструкции того же автора о зачистке слоя не говорилось вовсе. Пробная яма у подошвы насыпи, как мы видим, по-прежнему входит в инструментарий археолога.

Идея осознания несовершенства методов выделена автором в этом издании особо: «Очень может быть, что в будущем будет обращено внимание на такие условия, о которых мы теперь и не думаем»⁹. Это приводится как обоснование важности детальной фиксации максимального количества фактов не только о результатах, но и о ходе работ. Для того чтобы предоставить в руки будущим исследователям максимально полный набор данных.

3. Во второй Инструкции того же автора, вышедшей в 1878 г., для нас наиболее интересно различие в методе раскопки кургана в зависимости от размера насыпи. Так, насыпи высотой до 3 аршин (2,13 м) предлагается копать «на снос» послойно или колодцем. Если же курган имеет высоту более 3 аршин, то, по мнению автора, необходимо использовать траншею. Однако это разделение вводилось только для «пробных» курганов. Курганы в рамках одной группы по-прежнему рассматриваются как аналогичные по обряду. Поэтому насыпь, в которой ожидается захоронение по обряду трупосожжения, по мнению автора, может быть раскопана послойно только до уровня кострища. Далее допустимо пробивать колодец до материка¹⁰.

Важно отметить интересные рекомендации, которые обозначены в дополнениях видного русского антрополога А.П. Богданова (1834–1896). Постулируется необходимость составления качественных чертежей могильной ямы и положения костяка, тогда как в самой инструкции этого не было отмечено и говорилось только о текстовой фиксации, пусть и подробной. Важно это потому, что археология в тот период только начинала полноценно «говорить» на языке графики, на том языке, который сейчас называют главным для нее.

II. Инструкции А.А. Спицына

1. Продолжим рассмотрение состояния полевой археологической методики анализом инструкций, составленных А.А. Спицыным. Начнем с ранней его работы, а именно с опубликованного в 1895 г. руководства «Производство археологических раскопок»¹¹.

Инструкция составлена подробней, нежели рассматривавшаяся ранее. За 7 лет, что разделяют эти два руководства, полевая археологическая методика пережила довольно значительные изменения.

Наиболее важным считают формулировку понимания охранного характера археологических исследований. Автор говорит, что в ситуации, когда невозможно определить наиболее ценные в научном отношении курганы по визуальным признакам, раскопку следует начинать с тех, которые уже пашутся или чье разрушение возможно в скором времени. «Во всяком случае, очень распаханнные курганы необходимо подвергнуть немедленной раскопке из опасения, что они в короткое время могут исчезнуть без следа»¹².

Также можно говорить о сложении понятия недоследованного памятника. Правда, в отношении прежде всего насыпей, которые подверглись несанкционированным грабительским раскопкам. А.А. Спицын обращает внимание, что вред от подобных действий состоит в том, что грабители разрушают насыпь, вторгаясь в нее бессистемно, и бывает даже не доходят до погребения или доходят, но не до всех, что, конечно, может исказить результат при исследовании кургана. Кроме того, вред подобных раскопок в том, что найденные вещи не доходят до музеев, а оседают в личных коллекциях, недоступные широкой публике и полному научному изучению¹³.

Говорится об однородности насыпей в северных могильниках, тогда как за некрополями в южных губерниях признается возможность разнообразности¹⁴. В более ранних инструкциях Д.Я. Самоквасова такого деления не проводилось. Все курганы в могильнике, независимо от того, где он находится географически, считались однородными. Этим обосновывалась возможность копать только некоторые из насыпей «на снос».

Сейчас же ситуация несколько изменяется. По-прежнему рекомендуется в выборе методики работы с курганом ориентироваться на размер насыпи и предполагаемую конструкцию. Незвестные и многомогильные курганы предлагается копать «на снос»¹⁵.

Очень подробно рассмотрен сам раскопочный процесс. Описаны основные способы выемки земли в зависимости от особенностей памятника и количества рабочей силы. Не станем вслед за автором описывать их, но только перечислим: перевал, на выкид, на вывоз, подбоек, шахты (мины), вспахивание, вычерпывание (имеется в виду подъем грунта со дна при обнаружении затопленных памятников).

А.А. Спицын продолжает методологическую традицию, заложенную в поздней инструкции Д.Я. Самоквасова. Мы говорим о внимательном наблюдении слоя и тщательном разборе пятен. В случае обнаружения оных Спицын предлагает останавливать работу на этом участке. Пятно должно быть внимательно изучено и только после этого, если исследователь убедится, что оно не обозначает могильную яму или иной, интересный в научном плане объект, можно продолжать работу, подрубая очередной пласт вертикально на штык или чуть меньше и срубая его окончательно горизонтальными движениями лопаты¹⁶.

2. Закончим рассмотрение опубликованных инструкций анализом работы А.А. Спицына «Разбор, обработка и издание археологического материала», увидевшей свет через три года после предыдущей инструкции, в 1898 г.¹⁷

Существенных изменений в ней не содержится, в основном это повторение уже опубликованных ранее приемов, да и посвящена эта работа скорее методике кабинетного этапа исследования, однако в ней все же есть некоторые важные для нашего исследования сюжеты. Прежде всего, это предельно точно сформулированное понимание важности составления качественного отчета об археологических работах: «Отчет о раскопке, выйдя из рук составителя, становится своего рода юридическим, вполне законченным, документом, от которого нельзя ничего отнять и к которому нельзя ничего прибавить. Он устанавливает общеобязательные факты, составляющие важнейшее достояние науки, и никогда не теряет своей цены. Из всех видов археологических работ составление отчета о раскопке есть самая ответственная, важная и требующая наибольшей осторожности и наблюдательности»¹⁸.

Кроме того, вводятся критерии качества итоговой документации, а именно: «Все подробности погребения описываются в отчете в том виде, в каком они наблюдались в момент вскрытия могилы <...> При составлении отчета исследователь должен держать в напряжении все свои силы, все заметить и объяснить. Все сомнительное и неясное должно быть обязательно отмечено, все промахи раскопки, почти неизбежные, должны быть указаны. Гладкий, красивый и категорический отчет о раскопках лишен жизни и не внушает доверия»¹⁹.

Крайне важно нашедшее отражение в данном руководстве изменение взгляда на фиксацию результатов археологического

исследования. А.А. Спицын говорит о том, что никакое словесное описание, как бы подробно и качественно оно не было составлено, не может заменить собой графической фиксации, пусть даже самой грубой и не точной. Поэтому отчет, лишенный графических материалов – рисунков, чертежей, – не может дать ясной картины, не позволяет представить его [памятника] первоначальный вид. В то время как наличие даже самого условного наглядного воспроизведения способно помочь в составлении такой реконструкции²⁰.

Причем А.А. Спицын замечает, что чертеж всегда беднее рисунка. Зарисовки придают археологическому отчету полноту и живость. В то же время это критерий качества проведенного исследования. *Невнимательная работа – не дает качественного рисунка, на котором сомнительное отражается полно, а понятное для исследователя, напротив, кратко, схематично.*

III. Краткий анализ изложенного

Если Д.Я. Самоквасов уделял основное внимание извлечению археологического материала из земли, сбору и обработке его, то А.А. Спицын уже говорит о том, что «конечную цель раскопки составляет полное восстановление картины погребения <...> во всех неясных случаях отчет заканчивается обсуждением вопроса о первоначальном виде могилы и костяка и положенных при нем предметов»²¹.

Мы видим в этом два разных подхода к целям археологического исследования и, если говорить несколько более обще, к целям и задачам археологии. Первый подход ближе (хотя, безусловно, и отличается от нее более профессиональным и научным подходом) традиции, восходящей к коллекционерам-антиквариям, по которой археология – дисциплина, чей предмет сводится исключительно к источникам. Поль Курбэн так говорит об этом: «...установление фактов есть истинная роль и миссия археолога, есть то, что отличает его от всяческих “параархеологов”, ибо он способен делать эту работу и он тот, кто единственный способен делать ее правильно...».

Второй же ближе к позиции, по которой, несмотря на специфику археологических источников и особых требований к методике их препарирования, историческая интерпретация таких источников сравнительно проста и даже предопределенна. Археология, сохраняя самобытность, определяется как еще одна история –

отделяемая по специализации на вещественных источниках. Предмет археологии в этом варианте понимается широко, и в нем выделяют два уровня: источниковедческий и интерпретационный. Иногда вводят третий – промежуточный. Под ним понимается история культуры. Некоторые исследователи и вовсе считают его последним этапом исторического исследования. Некоторые из такого двойственного положения науки выводят представление о разделении археологии на две ветви, даже две отрасли, две профессии²².

Конечно, стоит понимать некоторую условность такого соотнесения имен двух археологов XIX в. с означенными традициями, однако та или иная традиция научного познания не возникает из ниоткуда, как правило, она является результатом планомерного развития. В вышеописанных инструкциях мы и видим первые шаги такого развития, описанных подходов в отечественной археологии.

Теперь обратимся к описанию исследований Н.Е. Бранденбурга.

Помимо важного научного значения (это одни из самых значительных по размеру насыпей для своих регионов, до 1970-х гг. материалы раскопок сопки у с. Михаил-Архангел и некоторых других служили основой для суждений о внутренней структуре, характере погребений, инвентаре и датировке сопок региона) выбранных памятников есть и еще одно немаловажное обстоятельство, определившее избрание их в качестве показательных примеров в рассмотрении полевой методики Н.Е. Бранденбурга.

Состоит оно в том, что отчеты Н.Е. Бранденбурга о работах на этих объектах содержат подробное описание методики полевого исследования, а не просто описание памятника, результаты работ и датировки материала. Очевидно, это можно связать с тем, что исследователь не придавал большого значения фиксации хода работы, если не случалось чего-то такого, что нарушало его принятый, если можно так выразиться, «стандартный» порядок. Основное значение придавалось тому, что открылось исследователю в результате работы, то есть могильной яме, костяку и вещевому материалу.

Николай Ефимович Бранденбург посвятил сопкам Нижнего Поволжья несколько полевых сезонов. В 1883–1884 гг. он раскапывает 9 крупных курганов в окрестностях Старой Ладogi, в 1886 г. археологом была исследована одна из самых монументальных насыпей региона – сопка у села Михаил-Архангел, которую долгие

время отождествляли с могилой летописного вещего Олега. В 1896 г. свет увидела публикация «Курганы Южного Приладожья», обобщающая результаты этих исследований.

В 1994 г. В.П. Петренко, исследовавший часть тех памятников, что были введены в научный оборот Н.Е. Бранденбургом, в своей работе «Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволховья» рассмотрел некоторые методические приемы, использованные Николаем Ефимовичем при исследованиях в обозначенном регионе²³. В 2000 г. в специальном номере журнала «Бомбардир», издаваемого ВИМАИВиВС, была опубликована статья С.Л. Кузьмина «Н.Е. Бранденбург и сопки Нижнего Поволховья», в которой содержится достаточно подробный анализ методических подходов Николая Ефимовича и археологов его времени к полевым исследованиям. Анализ строится именно на рассмотрении означенной сопки у с. Михаил-Архангел.

Как сказано выше, сопка у с. Михаил-Архангел – одна из самых крупных в регионе. Ее высота, по дневникам Н.Е. Бранденбурга, составляла приблизительно 10,7 м (5 сажений), а размер по окружности насыпи – 98,1 м (46 сажений), на вершине насыпи имелась площадка диаметром 6,4 м (3 сажени). При описании формы насыпи исследователь особо указывает на ее крутизну. Часть насыпи была обрушена, оттуда брали землю и камни местные жители для хозяйственных нужд. Н.Е. Бранденбург проследил в обрушенной части насыпи черный слой, от краев насыпи он постепенно возвышался к центру. Археолог предположил, что это может быть слой древней почвы, на небольшом пригорке которой и был сооружен курган.

Перед началом работ непосредственно на насыпи вокруг кургана было заложено несколько пробных ям для установления глубины материкового слоя. Рабочие на глубине 71 см – 1,4 м (1–1½ аршина) наткнулись на женское захоронение, при погребенной было положено 6 бус. Дальнейшая работа велась уже с осторожностью. В результате было прослежено 13 человеческих костяков.

Захоронения были расположены по окружности вдоль края насыпи, «опоясывая ее с ЮВ»²⁴. Все погребенные лежали на спине, руки были или на груди или в районе живота. Из инвентаря при них были обнаружены лишь несколько ножииков, бусы и фрагменты бронзовых украшений. Николай Ефимович говорит об уникальности находки подобного грунтового могильника, раньше он

не встречал ничего подобного. В большинстве присутствовали дубовые домовины. Захоронения одиночные, кости были расположены в анатомическом порядке. Лишь у одного костяка отсутствовал череп, впрочем, в стороне был найден отдельный череп без отопа. Можно предположить, что он отпал и был оттащен в сторону животными в процессе археологизации, потому что следов порубов на костях позвоночника обнаружено не было. Грунтовый могильник был интерпретирован Н.Е. Бранденбургом как языческий, относящийся к XI в. по сходству «культуры и инвентаря» другим погребениям, раскопанным им в регионе.

После снятия костяков стало очевидно, что там, где материк не был нарушен погребениями, «на глубине около $\frac{1}{2}$ аршина уже пролегает слой грунтовой глины, которой, как известно, избобилуют берега Волхова»²⁵. Этот слой глины приняли за материк, и было решено приступить к работам на курганной насыпи, которая после неожиданного обнаружения грунтового могильника, по ожиданиям Николая Ефимовича, должна была дать чрезвычайно богатый материал.

Ввиду значительных размеров курганной насыпи наиболее оптимальной Николаем Ефимовичем была признана следующая методика. Около половины насыпи предполагалось снять послойно, а оставшийся объем прорезать накрест траншеями, ориентированными по странам света. Здесь археолог объединил два методических приема, упомянутых в инструкциях, или видоизменил один из них, дополнив другим. Большинство археологов того времени после снятия трети или половины насыпи послойно с полученного уровня прорубали колодец до подошвы. Николай Ефимович решил прибегнуть к траншеям. Возможно, это связано с желанием наиболее четко проследить стратиграфию и планиграфию насыпи.

Работа началась по вышеописанной методике. Послойно было снято 4,62 м насыпи (6,5 аршин). В результате послойной съемки была получена площадка, диаметр которой составлял 7,81 м (11 аршин). Оставшаяся часть кургана была прорезана накрест двумя сквозными траншеями. Ширина первой, которая шла с В на З, составляла 4,97 м (7 аршин), а второй, что проходила с С на Ю, – 3,55 м (5 аршин). Глубина обеих траншей составляла примерно 4,44 м (6 $\frac{1}{4}$ аршина). Причем, это в отчете указано особо, дно траншей достигало уже того черного слоя, который был прослежен в разрушенной части насыпи²⁶.

Траншеи были выбраны в два приема по 2,13 м (3 аршина) земли за каждый. Это было вызвано не только значительным объемом работ, но и техникой безопасности. Подобный прием способствовал более подробному наблюдению за стратиграфией курганной насыпи, за ее ярусами. В то время археология при работе на таких значительных по размеру курганах, как правило, ориентировалась по темным гумуссированным прослойкам. Возможно, тут мы видим стремление проследить эти прослойки, потому как предположить многоярусность насыпи, а, следовательно, сооружение ее постепенно, в несколько этапов, которые и маркируются этими ярусами, было логичным для опытного исследователя, которым уже тогда был Бранденбург. Однако конкретно эта насыпь таких черт стратиграфии не имела, и это не могло не вызывать недоумение исследователя и сомнение в качестве своего наблюдения за памятником. Что отразилось в дневнике работ и на методике.

Почти на 4 м ниже вершины насыпи (5 аршин) было обнаружено два скопления камней. Одно из них имело округлую форму и диаметр 1,42 м (2 аршина), второе имело форму «неправильного пятиугольника», его длина составляла 2,84 м (4 аршина), а ширина – 2,13 м (3 аршина). Первое скопление состояло из камней и плит, второе из мелкого и крупного булыжника.

Чуть ниже Н.Е. Бранденбург фиксирует скопление, которое интерпретируется им как «наклонная к северу площадка до 1 ½ аршин длиною и шириною», чуть ниже был обнаружен разваленный горшок с остатками угля и бересты внутри. Также скопления камня были обнаружены несколько ниже, на глубине 8 аршин (5,68 м) от вершины насыпи. Н.Е. Бранденбург приводит промеры каждого из скоплений и говорит о характере камня в них (булыжник, плитка, мелкий щебень). Окончательной интерпретации в отчете не содержится, археолог только высказывает предположение, что это могут быть остатки некоего сооружения, которое призвано было «придать монументальность постройке» (под постройкой подразумевается насыпь кургана).

В подошве кургана зафиксирована выкладка из камней, идущая по границе насыпи, однако не замкнутая, но как бы «улиткообразная», загибающаяся внутрь кургана. Причем нарушение «правильной» формы наблюдается именно с той стороны (с северо-востока), где курган был нарушен забором земли и камней для хозяйственных нужд местных жителей. Можно предположить, что

до того она имела правильную форму, опоясывая всю насыпь целиком.

На подошве кургана были обнаружены остатки сгоревших бревен, небольшое количество человеческих костей. Инвентаря практически никакого не найдено. В завершении работы «для устранения всякого сомнения в материке ниже подошвы во весь курган была проведена еще траншея, шириною в 3 аршина, глубиною до 3 аршин, то есть вплоть до пролежавшего здесь слоя дикой глины».

Николай Ефимович не пишет об этом прямо, однако по характеру описываемых результатов работы можно судить о том, что курган был раскопан полностью, как мы сейчас говорим «на снос». Мы делаем такой вывод, потому что невозможно сделать такие наблюдения лишь по тем частям, которые можно проследить в траншеях.

Несмотря на довольно интересные выводы, которые можно было сделать относительно архитектурного устройства кургана, Н.Е. Бранденбург не считал раскопку удачной. Это связано с тем, что не удалось достигнуть ни одной из тех целей, которые он ставил перед собой: доказательство связи грунтового могильника с погребением в насыпи, получение богатого вещевого материала из числа погребального инвентаря, изучение останков погребенного, чей социальный статус должен был быть, по его предположениям, довольно высок, учитывая размеры и сложность насыпи²⁷.

В этом мы видим важнейшую черту, которая предельно точно характеризует тот подход к археологическим раскопкам и вообще к задачам археологии, которым пользовался Н.Е. Бранденбург в своих исследованиях. Подход этот ставит во главу угла вещевой материал, получаемый с памятника. Причем предметы эти воспринимаются как *части материальной культуры* ушедших эпох, по которым должно восстанавливать *историю* народов и регионов. То есть археология для этих исследователей уже отошла от чисто антикварного подхода, в рамках которого вещь была ценна сама по себе, исключительно как памятник прошлого и только в том была ее важность и ценность для науки, как свидетеля ушедшей эпохи. Однако она еще не приблизилась или только-только начала приближаться, подробнее об этом будет рассказано ниже, к подходу, в рамках которого не только по вещам археолог способен восстановить картину прошлой жизни и не в том его задача, чтобы написать историю, проиллюстрировав ее артефактами.

Как оказалось после ознакомления с архивным материалом, выводы, к которым пришли В.П. Петренко в своей работе и С.Л. Кузьмин в статье, написанной отчасти на ее основе, не совсем понятны.

По словам С.Л. Кузьмина, Н.Е. Бранденбург интерпретировал некое сооружение, следами которого были развалы камней и плит и платформа, на которую вел пандус, как единовременную постройку, некое монументальное сооружение. Далее С.Л. Кузьмин задается вопросом, правильно ли Н.Е. Бранденбург, «а вслед за ним и другие исследователи», оценил выделяемый «цоколь» как уникальное сооружение, а, следовательно, и выделил в особую категорию весь курган.

Далее автор, рассматривая методику, по которой велась работа, говорит о несовершенстве метода и слабости Бранденбурга как полевого исследователя в части наблюдения стратиграфических разрезов памятника, ибо среди курганов, которые тот раскапывал ранее, уже были со схожей конструкцией, прослеженной Николаем Ефимовичем.

После изучения архивных материалов, хранящихся в Рукописном архиве ИИМК РАН и Архиве ВИМАИВиВС, становится очевидно, что Н.Е. Бранденбург не называет курган возле с. Михаил-Архангел уникальным, не говорит о чрезвычайном в плане новизны характере открывшихся архитектурных особенностей насыпи. Напротив, он уделяет им не слишком значительное внимание, даже не предприняв попытки окончательной интерпретации и реконструкции. Это не похоже на Н.Е. Бранденбурга, который был не только по-военному четок в своей работе, но и скрупулезен в самых незначительных деталях (так, при рассказе о погребениях грунтового могильника, о которых говорилось выше, описано положение рук каждого костяка, причем отдельно для левой и правой, хотя в большинстве случаев это не важно ни для понимания обряда, ибо он очевиден и установлен, ни для других выводов). Поэтому подобное небрежение к столь значительным фактам, открывшимся в результате археологического исследования насыпи, мы склонны объяснять еще и тем, что он видел схожесть обнаруженного в кургане и того, что было исследовано им ранее. С.Л. Кузьмин приводит в качестве опровержения «уникальности», о которой якобы говорил Н.Е. Бранденбург относительно кургана у с. Михаил-Архангел, данные своих раскопок 1990 г. о насыпи на

правом берегу р. Волхов в д. Новые Дубки, в которой им была прослежена схожая конструкция. Не логичней ли было для доказательства невнимательности Бранденбурга к стратиграфии привести примеры того, что ему до Михаила-Архангела приходилось уже видеть подобные конструкции в курганах, но в этот раз он не смог ее опознать?

В том, как построены отчеты и полевые журналы Н.Е. Бранденбурга, в том, как он подходил к работе, видно, что он не возвращался к тому, что ему было ясно и очевидно. Именно по этой причине из отчетов выпали фрагменты, посвященные непосредственной методике работ на курганах. Она была аналогичной методике, использованной на главном кургане группы, если не было указано обратного.

То же мы видим и здесь. Николай Ефимович не уделяет должного, с нашей точки зрения, внимания особенностям архитектурного устройства насыпи, потому что они для него не представляют чего-то нового или не понятного, второе даже вероятней. Ограничивается только замечанием о необходимости производства раскопки схожего по размерам и форме кургана, расположенного рядом, для прояснения некоторых оставшихся невыясненными моментов. Кроме того, в конце отчета приведено замечание о необходимости при дальнейшем исследовании связать курган и грунтовый могильник у его основания.

В заключение рассказа о данном памятнике приведем еще один интересный факт. Н.Е. Бранденбург пишет, что в Петербург им были взяты и приложены к отчету только 3 костяка, которые он счел лучшими по сохранности, остальные были оставлены на месте. Выше отмечалось, что кости в грунтовых могилах лежали в анатомическом порядке, и не было слов о том, что они плохо сохранились, напротив, говорилось даже об остатках домовин в некоторых захоронениях. Раскопки, напомним, производились в 1886 г., а дополнения к полевой инструкции Д.Я. Самоквасова, выполненные антропологом А.Л. Богдановым, в которых говорилось о необходимости брать для дальнейшего изучения все встреченные кости, появились в 1878 г. То есть несмотря на то, что рекомендация существовала уже 8 лет и не могла оставаться неизвестной Н.Е. Бранденбургу, тем не менее им игнорировалась. Лишнее подтверждение того, насколько важно учитывать личные взгляды археолога при рассмотрении его отчетов.

В 1901 г. Н.Е. Бранденбург произвел несколько разведочных раскопок в Киевской губернии. В числе прочих им было начато исследование кургана в Липовецком уезде, неподалеку от с. Ильинцы, в имении княгини Демидовой Сан-Донато. В 1902 г. исследование кургана было продолжено, однако и тогда не получилось завершить его окончательно вследствие нехватки времени и денег. Рассмотрим сначала пробную раскопку 1901 г., а затем доследование кургана в 1902 г.

В округе с. Ильинцы Н.Е. Бранденбург выделяет группу курганных насыпей. Часть из них совершенно разрушены пахотой. Означенные курганы группируются вокруг «главного», как его называет исследователь. Размеры насыпи составляют, по обмерам, произведенным в 1901 г., 8,52 м (12 аршин) в высоту и 49,7 м (70 аршин) по окружности насыпи²⁸.

Насыпь кургана нарушена несколькими ямами, по рассказам местного населения, некогда в ней даже находился склад пороха, однако Николай Ефимович отмечает, что повреждения не доходят до подошвы кургана (материка), следовательно, если курган содержит в себе могильную яму, она должна была сохраниться в целости. В то же время исследователь упоминает о возможности содержания погребения в насыпи аналогично «большим курганам скифского происхождения», которое могло быть разрушено при сооружении порохового погреба или вторжении в насыпь местных жителей.

Николай Ефимович считает необходимой полную раскопку кургана. Однако рискованность этого предприятия, стесненность в средствах вынуждают его предпринять только пробную, разведочную раскопку «с целью обнаружения каких-либо указаний на существование могильной ямы под насыпью, или же наоборот убедиться в бесполезности дальнейшего полного исследования кургана, если бы пробная разведка не привела ни к каким результатам».

Обратим внимание на продолжение той линии, которая была описана при рассмотрении «северного» сюжета. Результатом полевого этапа исследования Николай Ефимович видел обнаружение могильной ямы с костяком и сбор вещевого материала. То есть в данном случае не очевидно, было ли у исследователя тогда понимание того, что основанием для выводов может быть как обнаружение тех или иных предметов, так и не обнаружение оных (например, если те ожидалось как часть стандартного инвентаря

исследуемой культуры, но не были обнаружены в классическом, казалось бы, памятнике).

Для «разведочной» раскопки кургана была избрана следующая методика. Пробная траншея должна была проходить от края насыпи к ее центру. Дно траншеи предполагалось вести по матерiku, конец же должен был несколько заходить за центр насыпи кургана. С помощью этой траншеи предполагалось напасть на «обрез или край могильной ямы и вообще обнаружить какие-нибудь культурные данные, для суждения о самом кургане».

Означенная траншея была проведена с севера на юг и имела ширину 5,68 м (8 аршин), при достижении центра насыпи, места предполагаемого нахождения могильной ямы, траншея была расширена почти в два раза и достигла ширины в 10,65 м (15 аршин) и в таком виде проведена за центр насыпи, то есть на расстояние еще 6,4 м (3 сажени). Вся длина пробной траншеи, таким образом, составила 27,7 м (13 сажений), глубина разреза «в его главной части», как пишет Н.Е. Бранденбург, составила 7,1 м (10 аршин).

Что мы можем заключить из приведенных цифр? Во-первых, приблизительный диаметр кургана, ибо точно он в отчете не указан, исследователь ограничился только величиной окружности насыпи и ее высотой. Если считать, что узкая часть траншеи была доведена до центра насыпи или почти до него, а центр и некоторое пространство за ним было исследовано уже широкой частью, то мы получим радиус кургана, равный примерно 21,3 м.

Работа, описанная выше, продолжалась 10 дней и стоила довольно значительных для того времени средств (125 рублей), если учесть, что работы производились силами наемных поденщиков, то можно сказать, что это очень значительные трудозатраты.

В результате описываемой раскопки в восточной стороне траншеи был обнаружен слой угля, начавшийся за несколько сажений от центра насыпи, продолжавшийся в главной части заложенной траншеи и уходящий в ее восточную стенку. Встречено несколько крупных головней. Основываясь на массивности горелого слоя и его положении на уровне погребенной почвы, Н.Е. Бранденбург делает вывод о том, что им были открыты остатки некоего крупного кострища, лежащего основной своей частью в восточном секторе насыпи на уровне ее подошвы.

Кроме того, в западной стороне траншеи, начиная с половины ее длины, прослежен слой деревянного тлена, уходящий под западную

стенку траншеи. Тлен тянется вдоль стенки до самой южной стенки траншеи. Исследователь предполагает, что этот слой так же шел по уровню погребенной почвы, глубже этого слоя на 35 см уже началась линза голубой глины.

В западной же стороне расширенной части траншеи в материке прослежена прямоугольная, засыпанная черноземом яма размером 1,42 м на 2,13 м (2 на 3 аршина). Длинной осью яма была ориентирована по линии З–В. Дно ямы имело отчетливое склонение на запад. У восточного своего края яма имела в глубину менее 17,8 см, а у противоположного края в прослеженной части (то есть у траншейной стенки) имела глубину уже в 71 см. Северная и южная стенки ямы имели скругление, придавая таким образом яме корытообразную форму. Яма отчетливо читалась в профиле стенки траншеи, однако было принято решение не продолжать ее прослеживать в этом направлении по причине того, что это представляло большую опасность для рабочих.

Вдоль южной стенки расширенной части траншеи в материке обнаружены два гнезда от некогда врытых здесь деревянных бревен, так интерпретировал характерные ямки в материке сам Николай Ефимович. В целом грунт насыпи характеризуется археологом как крепкий и однородный, однако замечено, что в западной стенке траншеи, ближе к центральной части кургана, имеют место быть две большие вертикальные трещины, которые, по мнению Н.Е. Бранденбурга, также должны иметь некое значение, не ясное на данном этапе исследования кургана.

Слой деревянного тлена, прослеженный на уровне погребенной почвы, и следы от столбов интерпретируются Н.Е. Бранденбургом как остатки погребального склепа. Яма же понимается им как возможный сход к могильной яме. Н.Е. Бранденбург делает вывод о желательности раскопки кургана в будущем году и призывает Археологическую комиссию, с чьей санкции производились работы, включить этот памятник в планы исследований и выделить средства, которые он видит в том же размере, что и выделенные ему в этот раз, то есть 400–500 рублей.

В конце отчета Н.Е. Бранденбург приводит рассуждение о том, по какой методике стоит проводить дальнейшее исследование памятника. Так, он предлагает послойно срыть половину насыпи таким образом, чтобы оставшаяся часть не превышала в высоту 4,26 м и с этого уровня пробивать колодец диаметром около 30 м

(14 сажений), который по мере приближения к подошве должен уменьшаться, но таким образом, чтобы на дне оно колодца получить диаметр около 21,34 м (10 сажений).

Если вернуться к выше вычисленному примерному радиусу насыпи, равному, по нашим подсчетам, 21,3 м, то мы увидим, что участки, которые не попадали в пятно исследования колодцем, не столь значительны и, скорее всего, были бы исследованы все равно уже после окончания работ на основном раскопном колодце. Его просто проблематично было бы копать, не снеся получившиеся бровки. Таким образом, мы видим, что предложенный на будущее план работы фактически не многим отличается от исследования насыпи «на снос», который стал основным много позже.

ИАК было принято решение о продолжении исследований памятника. К тому времени как руководитель работ Н.Е. Бранденбург приехал на памятник, насыпь была уже скрыта примерно на 2,81 м (4 аршина) и дальнейшую работу предполагалось вести путем закладки широкого колодца, чья глубина до материка должна была составлять не менее 4,97 м (7 аршин). На месте, с разрешения ИАК и самого Н.Е. Бранденбурга, начали работу местные помощники археолога, с которыми он работал в прошлом году.

Опираясь на результаты работ прошлого года, в ходе которых в центре насыпи захоронения обнаружено не было, однако были основания полагать наличие склепа несколько в стороне от центра кургана, а также принимая во внимание вероятную возможность существования погребений в насыпи, Николай Ефимович принимает решение заложить колодец еще более значительный, чем предполагалось в прошлом году.

Площадь колодца на материке должна была охватывать не менее половины диаметра всего кургана и составлять примерно 26 x 17 м (12 x 8 сажений). Для того, чтобы получить такую площадь, на подошве кургана Николай Ефимович закладывает колодец размером 32 x 23 м (15 x 11 сажений) и отмечает, что остаются нетронутыми полы кургана мощностью почти в 13 м (6 сажений). Подобная работа потребовала гораздо большего количества людей и как следствие денежных средств на выполнение²⁹.

Кроме того, твердый, слежавшийся грунт насыпи создавал дополнительные проблемы раскопщикам. Н.Е. Бранденбург особо отмечает, что крепость грунта на некотором этапе работ была такой,

что 80 рабочих, работая целый день, разбивая грунт ломami, снимали не более чем на штык земли.

Таким образом, довольно скоро стало очевидно, что на полное доследование кургана не хватит ни средств (несмотря на то, что Николай Ефимович запросил дополнительные деньги, и они были ему предоставлены в размере 300 рублей), ни, главное, времени. Было принято решение дойти до материка хотя бы на одном участке работ, если нет возможности это сделать на всей площади предполагавшегося раскопчного колодца.

Раскопка основного колодца была свернута после того как он был углублен примерно на 2,84 м (4 аршина). Однако на этом этапе работ до подошвы насыпи и материка оставалось еще около сажени. Поэтому был выбран участок, где было наиболее вероятно обнаружение основного погребения насыпи.

Николай Ефимович как руководитель работ принял решение заложить так называемый «малый колодец» размерами 3,55 x 2,84 м (5 x 4 аршин) в средней части южной половины основного колодца. На означенном участке удалось дойти до подошвы насыпи, и действительно были обнаружены следы сооружения, которые Бранденбург интерпретировал как остатки склепа. Погребение, однако, оказалось разграбленным и единственной значительной вещевой находкой из него стала золотая накладка налуча. По обнаружении склепа дальнейшие работы были свернуты за полным истощением средств, до дальнейших распоряжений ИАК³⁰.

Что мы видим из приведенных данных о работах на кургане? Прежде всего, довольно подробную и точную фиксацию, осуществленную, однако, в другой традиции, нежели принята сейчас. Текстовые описания Бранденбурга действительно обладают фотографической точностью и даже наглядностью. Вот с графической фиксацией все несколько хуже. Спицын говорил, что только качественное и внимательное исследование дает рисунок. Это, безусловно, так. То, что археология начала разговаривать на языке графики, а не только сухих и пространных описаний, пусть и довольно подробных – безусловный шаг вперед, однако не будем забывать, что никакой результат эволюционного развития не мог бы состояться без предшествующих ступеней.

Текстовые описания с приведением промеров и размеров даны Н.Е. Бранденбургом по-военному точно и подробно. Если бы они сопровождались столь же качественно составленными профилями

и планами, его дневники и отчеты можно было бы назвать образцовыми, даже для современных исследователей. Однако даже то, в каком виде они составлены на самом деле – крайне любопытно и поучительно с точки зрения полевой фиксации хода работ – там, где эта фиксация приведена, она исчерпывающа.

Мы бы не называли это несовершенством полевой археологической методики, скорее это один из этапов ее развития. Совершенен метод или нет, мы можем судить только относительно. Причем относительность эта будет иметь точкой отсчета наш современный уровень, что, наверное, не совсем справедливо по отношению к исследователям прошлого. За точку отсчета в данном вопросе следует брать современный для них уровень науки. И что же мы увидим, если посмотрим на работы Николая Ефимовича с этой точки зрения?

Были археологи, которые оставили более подробные описания методики, были среди них и такие, кто даже составил полевые инструкции для введения единообразия в методику. Были такие, кто копал больше и рисовал прекрасные чертежи. Все они ценны для развития археологии как полевой дисциплины. Ценность работ Н.Е. Бранденбурга в другом. В подходе к работе.

В той ответственности, которую он чувствовал перед будущими исследователями, и в том, как он, сообразуясь с этим, действовал. В его отчетах мы видим главное – стремление передать тому, кто будет работать в дальнейшем с его материалами, то состояние, в котором он нашел памятник, то состояние, в каком он открылся ему в результате исследования и то, в каком состоянии он памятник оставил и, главное, какие выводы сделал.

Одну из основных заслуг Н.Е. Бранденбурга мы видим в том, что он публиковал и вводил в научный оборот результаты своих исследований практически сразу, после того как они были закончены. Это столь же ценно, как и четкая фиксация результатов. Потерянным для науки можно считать не только курган, раскопанный без соблюдения должной методики, но и курган (да и любой памятник, не обязательно погребальный) неопубликованный. Пусть и раскопанный на высочайшем методическом уровне. Если научная общественность не имеет доступа к материалам – они для нее не существуют. Бранденбург понимал это и работал в полном соответствии с этим пониманием. Даже при продаже своей личной коллекции археологических находок ИАК он предложил оговоренные

деньги (2000 рублей) выдать ему двумя частями, вторую – только после обработки и опубликования им находок. В то время как сами вещи он передал в ИАК сразу по получению первой части платы.

Итак, сравним исследования памятников. Прежде всего, методика. В первом случае использованы траншеи, во втором колодец. Если посмотреть на приведенные данные не формально, но по существу, то становится понятно, что и там и там мы видим одно и то же – практически полное исследование курганный насыпи, совершенное в рамках, рекомендованных в современных исследователю полевых инструкциях. Траншеи в первом случае и колодец во втором закладывались таким образом и такой площадью, что неисследованной оставалась достаточно малая часть насыпи, если оставалась вообще. Судя по результатам работ в Поволховье, траншеи были постепенно расширены до секторов, иначе бы исследователь просто не смог зафиксировать то, что зафиксировал.

Конечно, это еще не исследование насыпи «на снос», но уже верный шаг в этом направлении. Шаг, обусловленный собственным опытом исследователя, материалами исследований других археологов, интуицией и предельно четким пониманием целей, задач и методов их достижения.

Полевая методика, по которой работает тот или иной исследователь, зависит не только от личности и его собственных взглядов и соображений, но и от наиболее авторитетного на тот момент в научном сообществе подхода. Если бы методика не зависела от того, «как рекомендуют копать авторы инструкций», то мы бы не имели в работах Н.Е. Бранденбурга тех приемов, что самым очевидным образом не соответствуют опубликованным наставлениям. Речь идет о раскопке действительно крупных насыпей практически «на снос», об использовании текстового описания кургана в ущерб графической фиксации, об объединении нескольких методик на одном памятнике.

Все эти и некоторые другие черты представляют собой вполне отчетливый след личного мнения археолога о том, как следует производить полевые исследования и его собственного видения тех или иных методических вопросов. В котором он мог быть и не одинок. Так, уже в советское время некоторые маститые археологи, классики, как говорят о них сейчас, писали, что для фиксации результатов работ существует два способа – текстовой и графической, причем первый проще и очень часто применим второго.

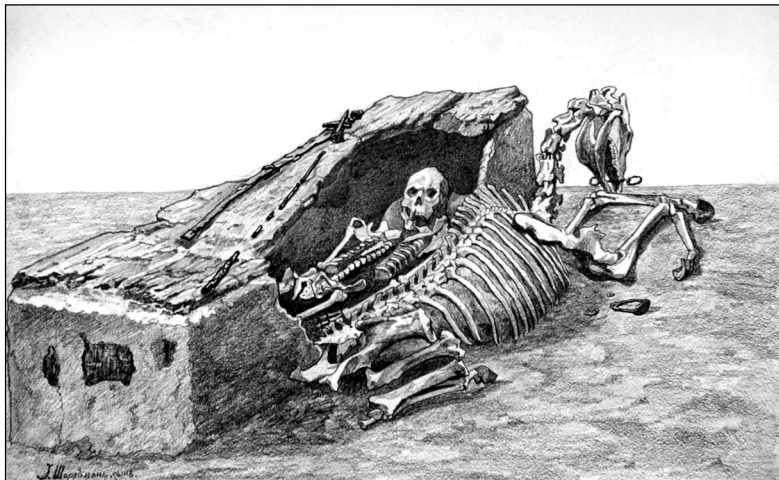
Если бы методика зависела исключительно от личных взглядов исследователя, тогда бы мы не имели той стандартизации, пусть и относительной, которую наблюдаем в материалах археологов того времени.

Сопоставление описанных приемов производства работ с современными нормами не делается осознанно. Правильнее смотреть на них в рамках той же традиции, в которой они появились и существовали. Безусловно, оценку с позиции сегодняшнего дня этим работам дать можно, однако она не должна нести отрицательного оттенка. Скорее, это должна быть просто попытка несколько более общего анализа развития методики.

Выше проведен анализ традиции, в которой написаны полевые инструкции Д.Я. Самоквасова и А.А. Спицына, а также высказаны соображения относительно того, какие цели ставил перед собой и какие задачи решал в рамках собственных археологических штудий Н.Е. Бранденбург. Однако не отвлеченным остался важный вопрос, которой в рамках этой работы еще не был озвучен: «Соответствовала ли предлагаемая в инструкциях методика тем целям, которые стояли перед археологией в тот период, и решала ли методика Н.Е. Бранденбурга те задачи, которые он перед собой ставил на полевом этапе исследования?»

Изменение шло по пути уточнения мелких деталей, которые были призваны уточнить результаты исследования, формализовать подход к работе и в то же время оставить возможность индивидуального подхода к каждому памятнику. Так развивались полевые инструкции Д.Я. Самоквасова и А.А. Спицына. Они были направлены на предельно четкую фиксацию хода исследования, и работы, проводимые в полном соответствии с этими инструкциями, выполняли эту задачу. Если даже раскопка была произведена не совсем методологически верно, но фиксация ее хода и результатов выполнена по предлагаемым правилам, работа все равно могла быть сочтена удачной, потому что памятник не был потерян для науки, информация о нем была сохранена в виде дневников и отчетов, а значит, будущие исследователи имеют возможность обратиться к ней и сделать выводы.

Н.Е. Бранденбург был нацелен в своих работах на получение как можно более полного и выразительного материала. Это не обязательно должны были быть вещевые находки. Широко известен эпизод, когда Николай Ефимович вывез в Петербург целое захоронение

**Рис. 1. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 30. Оп. 1. Д. 119. Л. 97.
«Могила печенежского война из кургана в Киевской губернии».
Художник Шарлемань-сын. Вывезена Н.Е. Бранденбургом
целиком. Экспонировалась в Артиллерийском музее**

«с конем» *in situ*, оно экспонировалось некоторое время в Артиллерийском музее (рис. 1). Сбор материала этим археологом был продиктован не только задачами обогащения коллекций и экспонированием в различных музеях (прежде всего, конечно, в Артиллерийском музее, основателем и директором которого он был), но, главное, познавательными возможностями его. Николаю Ефимовичу нужен был материал, за которым культура, к которой он принадлежал в пору своего создания, представляла бы с этнографической точностью и жизненностью. Такой материал был редок тогда и еще реже встречается ныне.

Вот как об этом пишет Н.М. Печенкин, член Императорского Военно-исторического общества, единомышленник Николая Ефимовича: «Он сносил весь памятник, во всем его объеме, из боязни что-либо не подметить, не угадать какие-либо мысли или обычаи лиц его соорудивших».

Другой важной для Н.Е. Бранденбурга целью работ было введение материала в научный оборот, обращение его в источник. Он придавал особое значение скорому и качественному изданию результатов исследований, это отмечали многие современники,

в частности, А.А. Спицын. Методика, используемая Николаем Ефимовичем, полностью отвечала целям, которые ставил перед собой исследователь, и пришел он к этому соответствию путем ее планомерного совершенствования, по мере накопления практических знаний и опыта.

¹ Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов (составлена комиссией назначенной 3 Археологическим Съездом в Киеве и утверждена в общем заседании съезда 21 августа 1874 г.).

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Самоквасов Д.Я. Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава, 1878.

⁷ Он же. Инструкция для научного исследования курганов Д.Я. Самоквасова и дополнения к ней А. Л. Богданова. М., 1878.

⁸ Он же. Условия научного исследования курганов и городищ. С. 4.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Самоквасов Д.Я. Инструкция для научного исследования курганов Д.Я. Самоквасова и дополнения к ней А. Л. Богданова. С. 2.

¹¹ Спицын А.А. Производство археологических раскопок. СПб., 1895.

¹² Там же. С. 13.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ Там же. С. 130.

¹⁵ Там же. С. 9–10.

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Спицын А.А. Разбор, обработка и издание археологического материала. СПб., 1898.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Метаархеология. М., 2004. С. 44–46.

²³ Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994. С. 20–24.

²⁴ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1886. Д. 17. Л. 26.

²⁵ Там же. Л. 25.

²⁶ Там же. Л. 27 об.

²⁷ Там же. Л. 29 об.–30.

²⁸ РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1901 г. Д. 47. Л. 20.

²⁹ Там же. Л. 81 об.

³⁰ Там же. Л. 82 об.–83.